

Идеократия против вождизма

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Наблюдая существующие ментальные тенденции в современной российской электоральной кампании, возникают некоторые исторические ассоциации. Не покидает смутное ощущение, что все это когда-то уже было. Дело не в том, что идеология выстраивалась всякий раз под новой вывеской, на основе некой национальной матрицы. Как раз наоборот. Каждый новый лидер выстраивал свою идеологическую модель. Ее содержание, по большому счету, было не столь важно. Главное — сама фигура национального вождя, аккумулирующего в себе общероссийскую идентичность («коллективный нарциссизм»). Давно ли адресатами всенародной любви и национальных чаяний выступали Ельцин и Горбачев? А ведь их идеологические послы, мягко говоря, сильно диссонируют с идеологемами «Единой России».

В связи с поднятой докладчиком проблематикой хотелось бы задать вопрос: а была ли действительно когда-либо Россия идеократическим государством? Была ли в России, по большому счету, идеология?

Идеократическое государство представляется мне неким нереализованным на российской почве проектом, некой вербальной потенцией развития. Это был историософский идеал, генерированный в определенном спектре русской общественной мысли, но не позитивная политическая реальность. Зачастую, говоря о русской идеократии, путают идеал и существующую феноменологию. На самом деле, исторически русское государство было не идеократическим, а персонифистическим, персонально ориентированным. Лидер

был выше идеологии. Идеология, как правило, выстраивалась под лидера.

Посмотрим в ракурсе данной постановки проблемы на все попытки идеологических имплементаций в истории России.

Москва — третий Рим. На настоящее время это некий историографически раскрученный идеологический бренд. А как идеологически самоидентифицировалась Русь, покуда она не стала «третьим Римом»? Во-первых, возникает вопрос: а до этого? XV в. все-таки... До этого, следует признать, трудно найти какой-то концепт, который мог бы быть позиционирован в качестве идеологии. Трудно, к примеру, определить применительно к периоду междоусобных распрей наличие не то что идеологии, а вообще — объединяющих идеологем. Получается так, что, возникнув в IX веке, фактически половину своей истории русское государство находилось в доидеологическом состоянии.

Серьезные сомнения у историков существуют на тот счет, имел ли вообще концепт Москва — третий Рим статус идеологии. Ни один государственный документ его идеологичность, да и вообще, какое-либо официальное значение не подтверждает. Нет оснований считать, что это был концепт более менее известный в русском обществе. Ни то, что признаваемый, а хотя бы известный в широких народных массах. Характерно, что в борьбу за византийское наследие, как прямое, казалось бы, следствие принятия третьеримской самоидентификации, Московская Русь так и не вступила. И это несмотря на то, что Запад дипломатически подталкивал московских государей в данном направлении.

Характерно, что в столкновениях государства и Церкви (степень их масштабности — это вопрос второй) неизменно в российской истории побеждало государство. Можно это интерпретировать и таким образом: личность монарха побеждала мировоззрение. На Западе сценарий церковно-государственных конфликтов был прописан совершенно иначе. В целом Церковь, если рассматривать католический исто-

рико-культурный ареал, торжествовала над императорской властью. В протестантских странах торжество было тоже не на стороне государственной власти, а на стороне общины верующих. Русский царь мог поменять веру, мог ее существенно модифицировать. Русский царь был не только выше закона, но и выше веры.

Обратимся теперь к XVIII столетию. Какой-то дискретный получается в развитии идеологии в России путь. Какая идеологема могла бы быть, применительно к этому времени, оценена в качестве государственной? Москва — третий Рим, начиная с Петра I окончательно деактуализировала свое смысловое предназначение, формула православие — самодержавие — народность еще не была сформулирована. Приходится констатировать отсутствие какой-либо объединяющей идеологии для XVIII в.

Но, с другой стороны, в ситуации идеологического вакуума существовал культ царя. Александр I был поражен, когда, отправившись путешествовать по России, столкнулся с тем, что русские крестьяне бросались под колеса царской кареты, считая за честь быть раздавленными царем. Специальный запрет потребовался Николаю I дабы остановить практику титулования русского царя в качестве Бога. Встречались даже иконографические изображения царских особ в виде Господа.

Справедливо отмечается, что и в отношении уваровской триады православие–самодержавие–народность нет оснований использовать понятие «идеология». Это была формула, относимая автором — министром народного просвещения — исключительно к воспитательной, больше педагогической сфере. Вопреки построенной иерархии, из триады в реальной практике акцент был сделан на вторую составляющую — самодержавие.

Коммунизм — вроде бы идеология, а коммунистическая модель — вроде бы идеократическая система. Однако, если обратиться к реальной практике советского строительства,

иерархия компонентов окажется несколько иной. Культ вождя был выше идеологемы коммунизма. При каждом новом советском лидере идеологическая система, как один из приводных ремней управления, принципиально перестраивалась. Имел место именно вождизм, а вовсе не идеократия.

Так, Сталин принципиально изменил советскую идеологию. Под прежним маркером коммунизма выстраивалась в идейно-ценностном плане новая, по отношению к ленинскому периоду, система. И народ с воодушевлением принял эти изменения. Война стала своеобразным индикатором приоритетности вождистских установок над идеологическими. Об идеологии коммунизма и классовой борьбы на время забыли. Формула «За Сталина» отражала традиционный характер ментальных предпочтений.

Позднесоветская эпоха демонстрирует искусственность попыток идеологического конструирования в России. Вообще вера в коммунизм в брежневскую эпоху утратила какую-либо актуальность, приобретая в большой степени форму гротеска.

В постсоветский период победа Ельцина — это была победа Ельцина, но отнюдь не победа какой-либо рыночной идеологии. Проекция модельного строительства оставалась прежней — персоноориентированной. Нельзя сказать, что путинский период в истории России проходил под знаком смены идеологической платформы. Вначале появляется новый национальный лидер, и только затем выстраивается под него некое подобие идеологических конструктов.

Резюмирую. Беда России заключается в том, что в ней исторически было установлено господство не идей, а людей. Именно в идеократизации русского государства видится выход из существующего тупика персонифицированных инверсий.